

DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.099-108

«ГОСУДАРСТВО» УСТАРЕЛО: ПОТРЕБНОСТЬ В НОВОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

КРУГЛОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА,

аспирант кафедры прикладной институциональной экономики
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
e-mail: katia.kruglova@gmail.com

В статье поднимается проблема неоперациональности определения государства, основанного исключительно на преимуществе в применении насилия на определенной территории, которое используется как базовая дефиниция в рамках российской школы новой институциональной экономической теории. Традиционное определение не позволяет исключить из анализа организации, не являющиеся государствами, но обладающие признаком территориального преимущества в применении насилия. Это создает сложности, так как размывает предмет исследования в работах, где им является государство. Автор предлагает дополнить определение, введя в него дополнительные признаки: легитимность и суверенитет. Новое операциональное определение позволяет исключить из анализа те организации, которые не являются государством, хотя и обладают похожими признаками.

Ключевые слова: государство; легитимность; общественный договор; суверенитет.

THE "STATE" IS OUT OF DATE: THE NEED FOR A NEW DEFINITION OF THE STATE

KRUGLOVA EKATERINA, A.,

Postgraduate Student,
Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
e-mail: katia.kruglova@gmail.com

The issue of non-functional definition of the state, solely based on the comparative advantage in violence, extending over a geographic area is addressed in the paper. Traditional definition does not exclude from the analysis all the organizations, which cannot be considered as a State, but have advantage in the use of violence over specific territory. This situation creates difficulties in analyzing The State, as far as it blurs the subject of study. The author proposes to develop the definition of the State by adding new marks: legitimacy and sovereignty. New functional definition helps to exclude those organizations that are not states from the analysis.

Keywords: state; legitimacy; social contract; sovereignty.

JEL: B52, D02, N40.

Введение

В традициях российской школы новой институциональной экономики в качестве базового определения государства используется дефиниция,

предложенная в работе Дугласа Норта «Структура и изменения в экономической истории»: «государство - организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющимися на географический район, границы которого устанавливаются его способностью облагать налогом подданных» (*North, 1981. P. 21*). На данный момент конвенциональное определение сводится к преимуществу в применении насилия, которое выделено в качестве ключевого признака государства. Однако под такое широкое определение, основывающееся исключительно на понятии насилия, попадают не только настоящие государства, но и территории, находящиеся во власти повстанцев, полевых командиров, так называемые квази-государства и другие организации, государством не являющиеся. Тут возникает проблема для исследований, предметом которых является государство, так как объект исследования размывается. Особенно актуальной эта проблема стала в последнее время в связи с массовыми самопровозглашениями независимости таких образований, как Исламское государство, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Донецкая Народная Республика и др. Какие из этих и многих других, претендующих на звание государства образований действительно являются государствами? Что должно быть объектом анализа при изучении государства, а что должно остаться за его рамками? Это должно быть ясно из определения. Данная статья посвящена поиску нового операционального определения государства.

Государство-бандит и квази-государство – проблемы определения

Одна из граней подхода, в котором государство определяется через преимущество в применении насилия, отражена в модели Мансура Олсона «кочующий – оседлый бандит» (*Olson, 1993*), которая была формализована Питером Куррильдом-Клитгаардом и Гертом Тингаардом Свендсенем (*Kurrild-Klitgaard and Svendsen, 2003*). Согласно концепции данных исследователей, появление государства связано с превращением кочующего бандита в оседлого. Различие между оседлым и кочующим бандитом заключается в следующем: кочующий бандит обладает сравнительными преимуществами применения насилия только относительно своих жертв, а оседлый – и относительно жертв, и относительно других бандитов, то есть, иными словами, имеет локальное преимущество в применении насилия. В описанных выше исследованиях приводятся исторические кейсы, подтверждающие данный подход. Питер Куррильд-Клитгаард и Герт Свендсен рассказывают о том, как эгоистичные интересы и конкуренция за разграбляемые ресурсы привели к тому, что викинги из кочующих бандитов превратились в правителей королевств Дублина, Нортумбрии, Йорка, королевства Островов, обосновались в Нормандии и т.д. (*Kurrild-Klitgaard and Svendsen, 2003. P. 261-264*). Мансур Олсон приводит пример Китая в 1920-ых годах, когда часть страны была поделена между различными полевыми командирами. Он описывает ситуацию, в которой жители предпочитали оседлого полевого командира, взимающего постоянную дань, кочующим бандитам, которые уходили после грабежа (*Olson, 1993*).

Однако уже в истории из Китая кроется нестыковка, которая подвергает сомнению универсальность определения государства единственно через преимущество в применении насилия. В описываемой Олсоном ситуации, бесспорно, имело место преимущество в применении насилия, принадлежавшее полемому командиру в Китае. Но делало ли это преимущество и возможность собирать дань с подданных его территории государством? Нет. Аналогично, подвластные полевым командирам и другим подобным организациям территории в Африке, на которых существует преимущество в применении насилия, не становятся отдельными государствами. В данной статье в отношении подобных организаций предлагается использовать термин «квази-государство», позаимствованный из работ Роберта Ротберга, когда полевые командиры и другие негосударственные агенты получают

контроль над регионом или территорией (Rotberg, 2004. P. 10). Благодаря преимуществу в насилии они могут создавать там свою систему безопасности, санкционированные рынки и торговые соглашения. Подобные примеры можно найти на территории многих слабых или несостоятельных государств, особенно на Африканском континенте. Соответственно, квази-государство можно определить как *организацию, со сравнительным преимуществом в осуществлении насилия на определенной территории, не являющуюся государством (не обладающую другими признаками государства)*.

Определение государства Норта оказывается несостоятельным и в других исторических примерах, демонстрирующих обратную ситуацию наличия государства при отсутствии у него преимущества в насилии. По данным Роберта Ротборга (Rotberg, 2004. P. 17), в Колумбии треть территории страны контролируется частными армиями наркоторговцев и повстанческими группировками, то есть государство не обладает преимуществом в использовании насилия на своей территории. Однако Колумбия до сих пор является целостным и в некоторых сферах благополучным государством. Еще ряд опровергающих примеров можно найти в истории Средневековой Европы. Феодализм породил ситуацию, в которой король зачастую оказывался в экономическом и военном плане слабее своих вассалов. Несмотря на то, что во время правления Каролингов сложилась именно такая ситуация, из контроля их династии вышла только Нижняя Бургундия. Об этом в частности пишет Норт (North, 1981. P. 139). По его словам многие вассалы были практически такими же сильными, как их король, не говоря о том, что вместе взятые они сильно превосходили силы короля. Сильные вассалы представляли собой постоянную угрозу для короля: они могли либо совершить переворот, либо сотрудничать с внешними врагами, как это делали бургундцы с Англией против французского короля. Приведенные выше примеры показывают, что определение, базирующееся исключительно на насилии, является недостаточным и не операциональным. Оно не позволяет отличить государства от других образований, основывающихся на территориальном преимуществе в применении насилия.

Очевидно, возникает необходимость включения в определение дополнительных характеристик, которые уточнили бы понятие государства. Это позволит более эффективно отличать государство от других похожих организаций. Потребность создания более точного, операционального определения государства возникает в тех сферах, где государство является основным объектом исследования. В подобных темах принципиально понимать, что является государством, а что не является таковым и просто обладает набором похожих признаков. Особенно важно это для изучения темы несостоятельности государств.

Размышления над операционализацией существующего понятия государства привели меня к выявлению двух дополнительных характеристик. Об одной из них вскользь упоминает Олсон, не придавая, однако, этому большого внимания. Описывая полевых командиров в Китае, он говорит: «у полевых командиров нет никаких притязаний/претензий на легитимность» (Olson, 1993. P. 568). Именно легитимность является одной из ключевых характеристик, отличающих настоящие государства от других организаций со сравнительным преимуществом в осуществлении насилия. Роберт И. Ротберг, рассуждая о квази-государствах, отмечает, что присутствующая в них власть полевых командиров является нелегитимной (Rotberg, 2004. P. 10). Речь идет о легитимности государства внутри своих границ. Подробнее о том, кто должен признавать государство легитимным, будет рассмотрено дальше. Также Ротберг отмечает и другую характеристику власти полевых командиров – она непризнанная, в том числе международно. Помимо внутренней легитимности, необходимо, чтобы права государства были признаны международно. То есть организация, считающаяся государством, должна признаваться легитимной другими подобными организациями. Эту внешнюю легитимность, международное признание прав государства, можно обозначить термином «суверенитет». На основе вышесказанного

можно сформулировать следующее операциональное определение государства, позволяющее преодолеть ограничения традиционного определения:

Государство – это организация, обладающая сравнительным преимуществом в применении насилия на определенной территории, границы которой определяются ее внутренней легитимностью, а также признанием легитимности этой территории со стороны таких же организаций (признанием суверенитета).

Таким образом, определение государства должно состоять из 3 основных признаков: **сравнительное преимущество в применении насилия**, внутренняя **легитимность** и **суверенитет** (внешняя легитимность). До некоторой степени один признак может частично компенсироваться другими признаками. Особенно это касается преимущества в применении насилия. Как в случае с Колумбией, где преимущество в применении насилия со стороны государства можно поставить под вопрос, однако легитимность и суверенитет позволяют уверенно говорить о том, что Колумбия является государством.

Легитимность

Использование термина легитимность в определении государства можно встретить еще у Макса Вебера. В своей работе «Политика как призвание и профессия» он утверждает, что «дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия. <...> Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» (Вебер, 1990. С. 645-646). В данном случае Вебер говорит только о легитимности насилия, которая подразумевает следующее: «легитимность в осуществлении насилия <...> есть отсутствие массового неповиновения этому насилию со стороны подданных» (Тамбовцев, 1998. С. 150). Однако я говорю о легитимности государства в целом, которое, по аналогии со словами Виталия Тамбовцева, можно определить как *отсутствие несогласия с действиями, предпринимаемыми государством и самим фактом его существования*. Другими словами, за государством признается право на существование и совершение определенных действий, а также право принятия обязательных решений в установленном порядке. Этот подход разделяет Александрос Яннис, говоря, что любой орган государственной власти должен основываться на локальной поддержке и общественной легитимности (Milliken, 2003. P. 78).

Дуглас Норт в книге «Структура и изменения...» также отмечает важность легитимности, однако рассматривает ее как важное средство минимизации издержек на инфорсмент правил и защиту прав собственности государством, а не как его признак (North, 1981. P. 53).

Вопрос в том, что делает государство легитимным? Для этого снова обратимся к работе Мансура Олсона. Как уже упоминалось, Олсон отмечал, что население определенной территории Китая предпочитало власть военачальника периодическим набегам кочующих бандитов (Olson, 1993. P. 568). Это значит, что соотношение выгод и издержек при режиме оседлого бандита Юйсяна было более благоприятным. В чем же заключалось преимущество оседлого бандита для населения? Правление оседлого бандита обеспечивало населению безопасность и повышало стимулы к инвестированию, так как бандит изымал лишь часть заработанного, а горизонт их планирования удлинялся. Невидимая рука, чье благословение, согласно Олсону, превращало кочующего бандита в оседлого, также приводила к тому, что в обмен на собираемые налоги правитель из эгоистичных интересов производил некий набор общественных благ, способствуя тем самым увеличению выпуска и росту благосостояния населения. То, что население в Китае

предпочитало оседлого бандита означает, что оно представляло свои потенциальные выгоды от его власти. У подданных и у бандита существовал определенный набор ожиданий, кто что обязан делать: население обязано платить дань, а он в свою очередь как минимум защищать население от других бандитов. В экономической теории данный набор взаимных ожиданий между правителем и подданными носит название общественного договора. Договор, о котором идет речь, в большинстве случаев является неформализованным. Он представляет собой обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, правил их реализации и взаимных обязанностях между государством и подданными (Аузан, 2009). Нарушение данного договора со стороны государства приводит к тому, что подданные пересматривают свои потенциальные выгоды от оседлого бандита и могут перестать считать его предпочтительной альтернативой. У жителей территории может возникнуть несогласие с действиями, предпринимаемыми государством, если они не соответствуют их ожиданиям. Иными словами, несоблюдение общественного договора государством делает его нелегитимным для своих подданных. Отсюда можно сделать вывод, что общественный договор обеспечивает легитимность государства.

Общественный договор в каждом конкретном государстве может отличаться в зависимости от предпочтений его жителей, а также периодически пересматриваться, однако его базис составляют безопасность, права собственности и свободы и другие общественные блага. По словам Клэпмена в сборнике под редакцией Роберта И. Ротберга, веберинское государство с его обширными полномочиями и множественной бюрократией может быть легитимизировано только через предоставление его населению общественных благ, без этого оно превратится в аппарат принуждения и вымогательства (Rotberg, 2004. P. 29). Рассмотрим подробнее, что конкретно может быть предметом общественного договора. Для это обратимся к иерархии политических благ, описанной Робертом И. Ротбергом (Rotberg, 2004. P. 3).

Первым по значимости политическим благом, которое обязано предоставлять государство, является безопасность. Предоставление данного блага является первоочередной функцией государства. Производство других общественных благ возможно лишь тогда, когда будет достигнут необходимый уровень безопасности. Согласно статье Александра Янниса, опубликованной в сборнике под редакцией Милликена, ни одна из значимых теорий государства, даже «минималистического»¹ государства, не оспаривает его роль как основного стража общественного порядка и безопасности граждан. Минимальным требованием, предъявляемым к государству, согласно Яннису, была такая структура власти, которая может гарантировать, через свою монополию на законодательство и средства принуждения, то, что государство будет придерживаться условия общественного договора по предоставлению безопасности своим гражданам (Milliken, 2003. P. 68).

Следующим по важности набором общественных благ являются законы и предписания, которые вместе составляют нормативно-правовую базу, защиту прав собственности и исполнение контрактов, а также эффективную судебную систему. В некотором смысле это и есть те первые общественные блага, которые с помощью невидимой руки, руководствуясь своими эгоистичными интересами, начинает производить оседлый бандит на пользу общества в модели Олсона. Перечисленных двух пунктов общественного договора будет достаточно для легитимности слабых развивающихся государств.

Следующий уровень предоставляемых политических благ - это личные права. Речь идет о базовых свободах: основные права и свободы человека и гражданина, право свободного участия в политической жизни, уважение и поддержка национальных и региональных политических институтов, толерантное отношение к другим взглядам и различиям и т.д. Данное условие свойственно для

¹ Под «минималистичным» государством Яннис понимает «минимальное государство», описанное либеральным политическим философом Робертом Нозиком (Milliken, 2003. P. 67-68).

общественных договоров наиболее развитых стран.

Заключают данную иерархию общественных благ такие их виды, которые могут производиться государством и некоторое общество предъявляет государству спрос, но также они могут производиться и частным путем. Речь идет о медицине, образовании, инфраструктурных объектах, коммуникационных сетях, банковской системе и т.п. Подобные пункт не всегда встречается даже в общественном договоре самых развитых стран. В частности, в США большая часть медицинского обслуживания и образования предоставляется частным путем, и граждане США согласны с подобным общественным договором, считают власть в своем государстве легитимной. В то же время Республика Куба гарантирует всем жителям бесплатное образование и здравоохранение, и жители «острова свободы» ожидают от властей этого. Именно социальная политика Кубы во многом обеспечивают легитимность государственного режима на Кубе (*Yamaoka, 2004*). В целом можно сделать вывод, что для любого общественного договора обязательными являются первые два уровня иерархии политических благ, особенно в части безопасности и защиты прав собственности, остальные уровни являются специфическими для каждого конкретного случая.

В своей работе «Структура и изменения в экономической истории» Норт пишет, что в Новом королевстве Египта власть фараона уже основывалась не столько на концепции его божественного происхождения, сколько на законодательных органах, судебной власти, армии, полиции и духовенстве (*North, 1981. P. 97*). Из этого к насилию имеют отношение только армия и полиция, а остальные пункты способствуют выполнению второго уровня из иерархии политических благ по Ротбергу. Также Норт высказывает гипотезу, что объединению разных по своему развитию, экономической структуре, религии и силе царств под властью Персидской империи способствовали не только сила, но и королевские дороги, морские пути и единая королевская валюта – инфраструктура, создающая выгоды от нахождения в рамках империи, поддержание которой способствовало легитимизации общественного договора в Персии. Это довало доступ к широкому внутреннему рынку (*North, 1981. P. 101*).

Довольно интересным является вопрос, кто конкретно должен считать государство легитимным? В данной статье изначально предполагается легитимность в сознании большинства граждан. Однако модель открытых-закрытых порядков, разработанная Нортом, Вайнгасом и Уолисом (*Норт и др., 2011*), может обогатить эту концепцию новым уровнем рассуждений. Государства открытого порядка характеризуются безличными правами, верховенством закона, возможностью контроля над политической системой любой группой в рамках установленных формальных правил и сильным и динамичным гражданским обществом. В отношении стран с открытым доступом изначально рассуждение является верным, важна легитимность в сознании большей части населения. Ведь в случае неисполнения государством общественного договора, граждане через организации могут политическим путем добиться пересмотра или прекращения данного договора и смены правительства. Однако ситуация может измениться, если речь идет о странах закрытого доступа. Подобные государственные устройства не требуют всеобщего согласия своих граждан, а основываются на интересах элит. Соответственно, в данном случае необходимо отсутствие несогласия именно среди элит с действиями, предпринимаемыми государством, и самим фактом его существования. То есть, иными словами, в случаях закрытого доступа принципиальной может быть не столько легитимность в сознании большинства граждан, сколько в сознании элит.

Суверенитет

Важным также является признание государства в качестве легитимного участника международной системы (и не признание образований, которые не являются государствами) другими аналогичными организациями. Несмотря на то,

что в рамках международного права по Конвенции Монтевидео 1933 года политическое существование государства не зависит от его признания другими государствами² (декларативная теория государства), в мировой практике международное признание по факту является одним из ключевых пунктов государственности (конститутивная теория). Современный мировой порядок, который начал формироваться с момента отказа от колониальной системы (решение, что все территории должны быть разделены на страны), базируется на постоянном взаимодействии и взаимозависимости государств. Последние десятилетия основным лейтмотивом международных взаимоотношений является совместное противостояние глобальным вызовам: от терроризма до пандемий. Такой подход делает практически невозможным изоляцию отдельных государств от происходящих процессов, что делает необходимым их международное признание.

По словам Милликен и Краузе «суверенными правами может обладать только государство, признанное другими суверенными государствами. При этом законные претензии на суверенитет должны быть подкреплены на практике: правитель должен иметь фактический контроль над своей территорией» (*Milliken, 2003. P. 3*). Основываясь на этих словах, мы можем определить суверенитет, как *отсутствие несогласия с фактом существования государства среди аналогичных организаций, а также признание прав данного государства принимать внутренние обязательные решения.*

Суверенитет как признание прав другими государствами является условным гарантом устойчивости преимущества в применении насилия в установленных территориальных границах. Признание суверенитета одного государства другими снижает вероятность того, что они будут оспаривать его преимущество на насилие на данной территории по сравнению с ситуацией, когда территория не признавалась суверенной, и может оспариваться соседними государствами. К тому же в современном мировом порядке, когда на карте нет «белых пятен» и вся карта мира разделена на страны, непризнание суверенитета какой-то страны означает, что она в большинстве случаев формально считается частью другого государства, не должна иметь территориальное преимущество в применении насилия и ее общественный договор не имеет силы на фоне договора, принятого в государстве, к которому эта территория принадлежит.

В современном мире необходимость суверенитета стала еще острее в связи с новым уровнем взаимосвязей и взаимозависимостью между странами. Международная торговля, взаимодействие и помощь в большинстве случаев возможны только между и в пользу признанных мировым сообществом стран. Так, в случае Сомалиленда, одной из самых развитых и спокойных частей несостоятельного государства Сомали, отсутствие признанного суверенитета препятствовало предоставлению легитимному для жителей правительству международной помощи для закрепления достигнутых успехов и дальнейшего развития. Клэпхэм с коллегами в своем исследовании, посвященном положению Сомалиленда, приводит цитату из местной газеты: «Это держит во вне людей. Это держит государство в состоянии хрупкости. Это держит во вне инвесторов. Это закрывает двери международным финансовым организациям. Это ограничивает прогресс страны, торговлю и путешествия. Это делает нас изолированным островом. Мы имеем право на признание!» (*Clapham et al., 2011. P. 9*).

Признание суверенитета важно не только для новых, недавно образовавшихся государств, но и для уже существующих, так как для них тоже прекращение признания их прав на международном уровне может повлечь потерю преимущества на применения насилия и легитимность. К примеру, частичное прекращение признания прав государств Ливии и Сирии на международном уровне привело к вторжению международных сил на их территорию и потерю ими остальных признаков государственности.

² Convention on rights and duties of States, 49 Stat. 3097, ст.3, Treaty Series 881, signed at Montevideo December 26, 1933. (http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp - Дата обращения: 03.02.2015).

Суверенитет как признание другими странами может оцениваться де-юре, когда страна признает права другой страны официально и заключает с ней дипломатические отношения, или *ad hoc*³, когда признание демонстрируется действиями одной страны в отношении другой: экономическими отношениями, военной поддержкой и т.п. К тому же нет необходимости абсолютного признания государства всеми странами. Например, Израиль является полноценным государством, несмотря на то, что его не признают часть арабских и мусульманских государств. Аналогично Палестина не признается Израилем и некоторыми другими государствами. Иногда достаточно даже признание страны региональным гегемоном или непосредственными соседями, чтобы организация могла полностью исполнять функции государства. Для Абхазии и Южной Осетии признание Россией, крупнейшим экономическим партнером и страной с наибольшим потенциалом насилия в регионе, было достаточным, чтобы их можно было отнести к государствам согласно приведенному в данной работе определению.

Поскольку задачей данной статьи является формулировка операционального определения государства, которое можно будет использовать в дальнейших исследованиях, то суверенитет здесь играет особую роль. Рассмотренные выше понятия «преимущества в применении насилия» и «легитимности» на данный момент являются сложно измеримыми и основываются в большей части на экспертных оценках. Суверенитет же является легко верифицируемым, позволяет отделить государства от схожих организаций на основе строгого критерия.

Признак суверенитета позволяет без оценки легитимности, для которой на данный момент нет операциональных методик, определить Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье как государства, а Исламское Государство, Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику – нет. Южная Осетия и Абхазия официально признаны региональным лидером – Россией. Приднестровье также признано Россией, не на официальном уровне, но *ad hoc*. Между Россией и Приднестровьем подписан ряд межведомственных договоренностей⁴. Исламское Государство не признано ни одним государством ни формально, ни на уровне взаимодействия в какой-то области. Аналогичная ситуация с Донецкой и Луганской республиками.

Налоги в определении Д. Норта и самообеспечение государства

В определении государства Д. Норта (*North, 1981. P. 21*) присутствовали налоги, собираемость которых определяла географические границы государства. Для введенного в статье определения роль этой границы играет легитимность: та территория, на которой большая часть населения или элиты считают данную организацию легитимной, является государством. При этом, естественно, эти границы должны быть признаны другими государствами. Однако налоги Норт ввел в свое определение не столько для того, чтобы определить географические границы изучаемой организации, сколько чтобы указать на необходимость и источник ее самообеспечения ресурсами для своей деятельности. Помимо налогов источником ресурсов для деятельности государства могут быть торговля природными ресурсами, внешние войны, которые ставят своей целью обогащение, международные займы, трансферты от других стран и международных организаций, и т.п. При этом самообеспечение тем или иным образом является признаком любой автономной организации и нет необходимости включать его в признаки государства.

К тому же необходимо отметить, что принуждение к исполнению правил налогообложения, как и многих других, требует от государства преимущества в применении насилия. Тогда сбор налогов можно рассматривать как частный случай легитимного насилия по Веберу.

³ О типах международного признания подробнее см.: (*Джантаев, 2011*).

⁴ Е. Шевчук: «Подписанные соглашения окажут влияние на развитие гуманитарного и экономического сотрудничества ПМР и РФ». (<http://president.gospmr.ru/ru/news/eshevchuk-podpisannye-soglasheniya-okazhut-vliyanie-na-razvitiie-gumanitarnogo-i-ekonomicheskogo> - Дата обращения: 03.02.2015).

Заключение

Институциональная экономическая теория традиционно использует определение государства, основывающееся на преимуществе данной организации в использовании насилия как единственной критерии. При таком определении появляется множество случаев, когда организации обладают региональной монополией на насилие, но государствами не являются. Они воспринимаются как исключения. Но возросший интерес к исследованиям роли государства, его функциям и несостоятельности порождает необходимость уточнения понятия, во избежание включения в анализ организаций, которые на самом деле не являются государствами. Соответственно, возникла необходимость в уточнении определения, чтобы сделать его более операциональным для исследований, объектом которых является государство. В данной статье было предложено следующее определение государства:

Государство – это организация, обладающая сравнительным преимуществом в применении насилия на определенной территории, границы которой определяются ее внутренней легитимностью, а также признанием суверенитета (внешней легитимности) этой организации со стороны таких же организаций.

Многие исследователи, изучающие государство, отмечают необходимость в его легитимности (Вебер, 1990; Тамбовцев, 1998; Milliken, 2003; Rotberg, 2004 и др.). Под легитимностью понимается согласие с фактом существования государства и принимаемыми им решениями. В зависимости от того, к типу открытых или закрытых порядков относится государство, меняется группа лиц, о легитимности в глазах которых идет речь. В случае стран открытого порядка важна легитимность у большей части населения. Когда речь идет о закрытых порядках, роль играет только легитимность государства с точки зрения элит. Операционализировать понятие государство позволяет суверенитет, отсутствие несогласия с фактом существования государства среди аналогичных организаций, а также признание прав данного государства принимать внутренние обязательные решения. Эта характеристика оценивается легче, чем легитимность и преимущество в применении насилия, оценки которых на данном этапе основываются на экспертных оценках. Отсутствие суверенитета непосредственно создает угрозу как преимуществу на применение насилия, так и легитимности, так как усложняет исполнение условий общественного договора. Новое определение позволяет исключить из анализа организации, которые не являются государствами, хотя обладают территориальным преимуществом в применении насилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аузан А. А. (2009). Общественный договор: взгляд из 2009 года // «Публичные лекции Полит.ру». (<http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/> - Дата обращения: 03.02.2015).

Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, с. 645-646.

Джантаев Х. М. (2011). Формы и виды признания в современном международном праве // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, № 4, с. 148-163.

Норт и др. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара.

Тамбовцев В. Л. (1998). К вопросу о государственном регулировании в переходной экономике России // *Экономика и математические методы*, Т. 34, Вып. 4.

Clapham et al. (2011). African game changer? The Consequences of Somaliland's International (Non) Recognition // A Study Report. Discussion Paper 2011/05. The Brenthurst Foundation.

Kurrild-Klitgaard P. and Svendsen G. T. (2003). Rational Bandits: Plunder, Public Goods, and the Vikings // Public Choice, vol. 117, no. 3/4. Essays in Memory of Mancur Olson, pp. 255-272.

Milliken J. (2003). States Failure, Collapse and Reconstruction. The Institute of Social Studies.

North D. (1981). Structure and Change in Economic History. N.-Y.; London: W.W.Norton & Company.

Nozick R. (1974). Anarchy, State and Utopia. New York: Perseus Books Group.

Olson M. (1993). Dictatorship, Democracy, and Development // The American Political Science Review, vol. 87, no. 3, pp. 567-576.

Rotberg R. I. (2004). When states fail: causes and consequences. Princeton University Press.

Yamaoka K. (2004). Cuba's social policy after the disintegration of the Soviet Union - social development as legitimacy of regime and its economy effectiveness // The Developing Economies, no. 42.2, pp. 305-333.

REFERENCES

Auzan A.A. (2009). Social Contract: view from 2009. «Public lectures Polit.ru». (<http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/> - Access Date: 03.02.2015). (In Russian).

Clapham et al. (2011). African game changer? The Consequences of Somaliland's International (Non) Recognition. A Study Report. Discussion Paper 2011/05. The Brenthurst Foundation.

Djantaev Kh. M. (2011). Forms and types of the recognition in modern in international law. Bulletin of People's Friendship University of Russia. Edition: Legal Science, no. 4, pp. 148-163. (In Russian).

Kurrild-Klitgaard P. and Svendsen G. T. (2003). Rational Bandits: Plunder, Public Goods, and the Vikings. Public Choice, vol. 117, no. 3/4. Essays in Memory of Mancur Olson, pp. 255-272.

Milliken J. (2003). States Failure, Collapse and Reconstruction. The Institute of Social Studies.

North D. (1981). Structure and Change in Economic History. N.-Y.; London, W.W.Norton & Company.

North et al. (2011). Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow, Gaidar Institute Publishing. (In Russian).

Nozick R. (1974). Anarchy, State and Utopia. New York, Perseus Books Group.

Olson M. (1993). Dictatorship, Democracy, and Development. The American Political Science Review, vol. 87, no. 3, pp. 567-576.

Rotberg R. I. (2004). When states fail: causes and consequences. Princeton University Press.

Tamboutsev V. L. (1998). On the issue of the state regulation in the transition economy in Russia. Economics and Mathematical Methods, vol. 34, issue. 4. (In Russian).

Weber M. (1990). Politics as vocation. Selected Works. Moscow, Progress Publ., pp. 645-646. (In Russian).

Yamaoka K. (2004). Cuba's social policy after the disintegration of the Soviet Union - social development as legitimacy of regime and its economy effectiveness. The Developing Economies, no. 42.2, pp. 305-333.